

А.А. Щербаков

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ ВИНДИКАЦИОННОГО И КОНДИКЦИОННОГО ИСКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

Аннотация. Объектом исследования статьи является соотношение виндикационного иска и иска из неосновательного обогащения в гражданском праве Германии. Кратко освещается правовая природа кондикции и виндикации. На основе положений Германского гражданского уложения, анализа судебной практики и доктрины сравниваются теория субсидиарности виндикации и теория конкуренции исков, делается вывод о возможности их одновременного (субсидиарного) либо исключительного применения.

Изучается соотношение интересов собственника и владельца, в том числе с участием третьей стороны, при истребовании вещи в части возмещения расходов на ее содержание и извлеченных доходов.

Делается вывод о приоритете виндикации в силу ее специального характера, при этом делается оговорка и субсидиарном применении деликтных норм и норм о кондикции, а также возможности истца, основываясь на автономии воли, выбрать наиболее подходящее требование.

В работе проводится системный анализ положений Германского гражданского уложения и Гражданско-процессуального кодекса Германии, а также судебной практики высших судебных инстанций Германии. Новизна и актуальность исследования заключается в рассмотрении материальных аспектов предъявления собственного, владельческого и кондикционного исков. Поднимается проблема коллизий данных норм и возможные варианты их преодоления. Сравнительно-правовое исследование вещного права России и Германии приобретает особую значимость в настоящий момент, момент фундаментального реформирования гражданского законодательства.

Ключевые слова: владение, виндикационный иск, виндикация, кондикция, неосновательное обогащение, ограниченные вещные права, конкуренция исков, гражданское право Германии, истребование вещи, вещное право.

Проблема конкуренции исков восходит к временам римского права, предусматривающего несколько видов такой конкуренции. Для нас наибольший интерес представляют два вида: *concursum electivum* (элективная конкуренция): управомоченное лицо, имеющее право на предъявление нескольких требований, осуществляет выбор в пользу наиболее выгодного для себя требования, исключая тем самым применение других исков (при условии исчерпывающего удовлетворения требований кредитора, в противном случае сохранялась возможность предъявления дополнительных требований)¹, а также *concursum simulativum* (кумулятивная конкуренция): одновременное предъявление нескольких взаимодополняющих требований, имеющих общее основание. Вопрос и по сей день остается актуальным для стран романо-германской правовой семьи, как преемниц римского права, т.к. при истребовании вещи сталкиваются интересы собственника и владельца. В основе их отношений могут быть как вещные, так и обязательственные нормы, соответственно, различными будут способы защиты.

Важно понимать, что конкуренция исков не всегда носит негативный характер и, в первую очередь, долж-

на быть направлена на защиту интересов пострадавшей стороны (например, посредством кумуляции требований либо ранее названной элективной конкуренции). Однако всегда должен соблюдаться баланс интересов, дабы руководствуясь первостепенной защитой пострадавшей стороны, не ущемить права ответчика.

Для России разрешение данной проблемы особенно важно. Возможность конкуренции исков подтверждается судебной практикой². Попытка ее устранения предпринимается в проекте Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ³. Этот проект предполагает введение отдельного права на защиту для собственника и для титульного владельца, что, напротив, обостряет ситуацию тем, что вводится новое очень схожее с виндикацией требование. При этом существующая конкуренция исков

² Постановление Конституционного Суда РФ 21.04.2003 N 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширияевой» // Российская газета, № 5794 от 30.05.2012.

³ Проект Федерального закона об изменении Гражданского кодекса РФ, № 47538-6 (принят ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [Электронный ресурс].

¹ Новицкий И.Б. Римское частное право. – М.: Юрайт, 2013. С. 38.

не решена, что может привести уже к конкуренции трех исков: виндикации, кондикции и владельческого иска. Концепция развития гражданского законодательства о вещном праве также предусматривает защиту владения только от самоуправных действий, лишаящих владельца владения помимо его воли⁴. В свою очередь, отношения, основанные на договоре, будут подлежать защите обязательственными средствами. Необходимо отметить, что пока не предусмотрено никаких мер по устранению существующей конкуренции кондикции и виндикации в российском гражданском праве, что должно быть сделано в первоочередном порядке, т.е. до реформирования гражданского кодекса в части вещного права.

Отечественному правопорядку будет полезным изучить и проанализировать немецкий опыт разрешения проблемы конкуренции виндикационного и кондикционного исков.

Для решения проблемы конкуренции виндикационного и обязательственно-правового исков в гражданском праве Германии было выработано две основных теории: теория субсидиарности виндикации и теория конкуренции исков.

I. Теория субсидиарности виндикации относительно обязательственно-правовых исков

В соответствии с теорией субсидиарности вещно-правовой иск об истребовании вещи (в рамках §§ 985-1003 ГГУ – так называемые нормы о разграничении правомочий собственника и владельца) носит факультативный характер по отношению к договорным требованиям и иным требованиям, вытекающим из закона (кондикция в гражданском праве Германии рассматривается как обязательственно-правовое требование). В случае если право владельца (арендатора, залогодержателя, управляющего и т.д.) в отношениях с собственником возникло из договорных отношений, то собственник после прекращения договора имеет право требовать возврата вещи только на основании обязательственных норм. В таком случае собственник не может предъявить виндикационный иск.

В пользу данной теории можно выделить следующие аргументы.

Во-первых, § 986 Германского гражданского уложения (Отказ владельца передать вещь: «Владелец может отказать в передаче вещи, если он или опосредованный владелец, от которого получено его право на владение, управомочены на владение по отноше-

ния к собственнику...»⁵) даёт понять, что собственник, связанный с владельцем обязательственными отношениями, ограничен в своих требованиях в пользу владельца. Суть приведенного аргумента состоит в том, что правовое положение собственника изменяется под воздействием договора, т.е. содержание абсолютного права собственности ограничивается относительным правом владения (основанным на договорных отношениях) настолько, что право истребовать вещь, имеющее абсолютный характер, уступает обязательственно-правовому.

Кондиционный иск, имеющий обязательственно-правовую природу, может на всех основаниях составить конкуренцию виндикации. Это объясняется тем, что обязательственные отношения представляют собой полноценную систему норм: предусматривается возможность истребования вещи, решается вопрос об извлеченных выгодах из неосновательного обогащения, учитывается субъективная сторона получателя вещи при расчете размера его ответственности.

Следующим аргументом, говорящим в пользу теории субсидиарности виндикации, является теоретико-правовой принцип «*lex specialis derogat lex generalis*» (вытеснения общей нормы специальной), выражением которого является § 986 ГГУ (Отказ владельца передать вещь), предусматривающим невозможность передачи вещи на период управомоченности владельца. Об этом нельзя забывать даже после прекращения договорных отношений, т.к. сторонники теории субсидиарности придерживаются позиции связанности сторон обязательственно-правовыми нормами после расторжения договора (действуют так называемые «постдоговорные отношения» – *Abwicklungsverhältnisse*). В тоже время этот же принцип может быть применен в пользу приоритета виндикации (об этом будет сказано ниже).

Стоит также отметить принцип автономии воли, предусматривающий максимальную свободу сторон при выборе способа защиты своих прав. Стороны, заключая договор, предполагали регулирование возникших отношений (в том числе «постдоговорных») нормами о соответствующих обязательствах. В тоже время автономия воли может ограничиваться императивными предписаниями закона, предписывающими применение иных исковых требований.

Теория субсидиарности виндикации перед обязательственно-правовыми исками дает основание полагать, что виндикационное требование уступает место требованию возврата неосновательного полученного, сбереженного имущества при конкуренции соответствующих требований.

⁴ Концепция развития законодательства о вещном праве. // Портал российского частного права. – М., 2009. С.12 // http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

⁵ Маковский А.Л. Германское гражданское уложение. – М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 275.

Например, при передаче права владения вещью собственником на основании ничтожного либо позднее оспоренного договора, виндикация применяется наряду с кондикцией либо вообще уступает ей.

Основу данной позиции составляет ограничение прав собственника, в том числе права виндикации, обязательственно-правовой связью (§ 986 ГГУ «Отказ владельца передать вещь»). Но данное ограничение применимо только при действительном договоре, лежащем в основе права владения. Если же договор недействителен, то владелец неуправомочен владеть вещью по отношению к собственнику, который имеет полное право предъявить виндикационный иск.

Также ситуация осложняется наличием конкуренции между требованиями о возмещении произведенных расходов на содержание вещи, улучшений извлеченных доходов (например, в вопросе требования у добросовестного владельца извлеченных выгод нормы о неосновательном обогащении обязывают его к выдаче всего извлеченного – § 818 ГГУ «Объем требований из неосновательного обогащения», в соответствии же с § 993 ГГУ «Ответственность добросовестного владельца» у него отсутствует подобная обязанность. Вопрос конкуренции имеет значение и для собственника: владелец, заблуждающийся в своей управомоченности владеть и осуществивший улучшение вещи, может требовать на основании кондикции возмещения произведенных улучшений от собственника, в свою очередь, нормы о разграничении правомочий собственника и владельца в такой ситуации позволяют отказать или сократить размер требований заблуждающегося владельца), что подчеркивает важность правильного определения иска.

Из приведенных примеров следует, что кондикция и виндикация не могут одновременно применяться (т.е. кумуляция («*concursum cumulativum*») норм невозможна в силу различных последствий применения соответствующих требований). Поэтому между ними возникает только альтернативная конкуренция: иски применяются самостоятельно и конкурируют между собой.

До момента принятия основополагающих решений кассационной инстанцией⁶ (затем подтвержденных практикой Верховного суда ФРГ⁷), признавших приоритет виндикации и, соответственно, положений о разграничении правомочий собственника и владельца (§§ 987 – 1003 ГГУ), дискуссии о соотношении кондикции и виндикации не прекращались.

Позиция ВС ФРГ была положительно оценена современной доктриной⁸. В основе данной точки зре-

ния лежат три главных аргумента: субъективная воля законодателя при принятии соответствующих норм (телеологическое толкование), защита интересов добросовестного владельца на основании §§ 987 – 1003 ГГУ (нормы о разграничении правомочий собственника и владельца) и толкование § 993 ГГУ, где закреплено применение кондикции по остаточному принципу: «При отсутствии условий для применения §§ 987 – 992 ГГУ, владелец согласно правилам о возврате неосновательного обогащения должен передать извлеченные плоды...».

Однако стоит проанализировать ситуации, в которых нормы о разграничении правомочий собственника и владельца могут быть вытеснены кондикцией.

В основе указанной точки зрения лежит уже названный принцип приоритета договорных исков при прекращении правовых отношений. По мнению Эммериха, кондикционные иски и иски, вытекающие из договорных отношений, схожи по своей сущности: они направлены на возврат объекта по договору о передаче вещи⁹. Соответственно кондикция, как и договорные иски, может вытеснять нормы о виндикации в рамках института разграничения правомочий собственника и владельца.

Таким образом, одним из ключевых пунктов разграничения кондикции и виндикации является вопрос приравнивания кондикции к «квази-договорным» искам (соответственно будет иметь место приоритет кондикции перед виндикацией), в тоже время при признании сделки недействительной будут применяться нормы о виндикации, т.к. договор, как самое важное основание для истребования вещи с помощью «квази-договорного» иска, отсутствует.

Кондикция, как и договорные иски, связана с волеизъявлением сторон: в обеих ситуациях стороны непосредственно вступают в договорные отношения (передача вещи должна быть основана на действительном договоре), что одновременно служит существенным отличием от виндикации, где истец и ответчик не состоят в договорных отношениях. Отсюда можно сделать вывод, что виндикация в Германии, как и в России, имеет внедоговорной характер и вытесняется обязательственными нормами при наличии договорных отношений между сторонами.

II. Теория конкуренции требований

Теория конкуренции требований применяется при противопоставлении собственнику неуправомоченного владельца. В таком случае право на виндикацию предусмотрено § 985 ГГУ «Требование собственника передать вещь»: «Собственник может требовать от

⁶ RGZ 163, 348; RGZ 105, 84 // <https://www.beck-online.beck.de>

⁷ BGHZ 29, 162; 41, 157 // <https://www.beck-online.beck.de>

⁸ Dimopoulos-Vosikis Die Bereicherungs- und deliktischen Elemente der §§ 987-1003 BGB. – Bentheim. -1966. S. 101.

⁹ Emmerich, T. Das Verhältnis der Nebenfolgen der Vindikation zu anderen Ansprüchen. Diss. Saarbrücken. S. 126.

владельца передачи вещи». Под неуправомоченным владельцем понимается владелец, у которого отсутствует титул владения. В противном случае, когда владелец будет иметь правовой титул, право виндикации будет исключено на период управомоченности владельца: «Владелец либо опосредованный владелец могут отказать собственнику в передаче вещи, если они управомочены владеть ею...» (§ 986 ГГУ). § 986 ГГУ в зависимости от толкования может быть аргументом как «за», так и «против»: при дословном толковании виндикация исключается только на период наличия титула владеть вещью. После прекращения титула, в том числе после расторжения договора, собственник имеет полное право использовать виндикацию для истребования вещи. При расширительном толковании после расторжения договора обязательственно-правовая связь сохраняется, преобразуясь в «постдоговорные отношения» – *Abwicklungsverhältnisse*.

Важно отметить, что принцип противопоставления собственнику неуправомоченного владельца также применяется в отношениях с участием трех лиц. Например, при передаче арендатором-владельцем вещи в субаренду. В таком случае появляется опосредованный владелец – первоначальный арендатор и непосредственный владелец – субарендатор. Тем не менее, собственник, несмотря на усложнение отношений, имеет право виндцировать вещь после прекращения основного договора от опосредованного владельца и при определенных условиях (отказ опосредованным владельцем от получения либо невозможность получения им вещи) от непосредственного.

Слабые стороны теории субсидиарности виндикации проявляются в рамках отношений с участием собственника и двух владельцев (непосредственного и опосредованного). В частности, происходит ущемление интересов собственника при расторжении договора и последующей реституции. Собственник имеет право требования о возврате вещи только в отношении опосредованного владельца (т.е. своего контрагента), а последний уже будет истребовать вещь от непосредственного владельца (при этом отсутствуют какие-либо гарантии, что требования контрагента собственника будут удовлетворены).

Например, в ситуации, когда опосредованный владелец не истребовал вещь от непосредственного либо не уступил данного права собственнику, права последнего значительно ограничиваются. В таком случае собственник может истребовать вещь только, если конкурсный управляющий признает право контрагента на виндикацию не относящимся к конкурсной массе (ст. 47 «Закона о банкротстве»).

В сравнении с договорным требованием возврата вещи виндикация имеет существенное преимущество для собственника. Решение суда и исполнительный

лист об истребовании вещи, в основе которых лежит § 985 ГГУ, в соответствии с § 325 Гражданско-процессуального кодекса Германии (далее по тексту «ГПК ФРГ») «Субъективные последствия вступления судебного решения в силу» и § 727 ГПК ФРГ «Предъявление исполнительного листа при правопреемстве» может быть исполнено также в отношении третьего лица, вступившего во владение после начала судебного процесса. Если же решение суда принято на основании обязательственного требования, то § 325 и § 727 ГПК ФРГ не могут применяться, т.к. решение будет ограничено только сторонами договорных отношений.

Однако сложности в трехсторонних отношениях не ограничиваются процедурой банкротства контрагента, являющегося опосредованным владельцем. Собственник практически лишается своего в права в том случае, когда незаконный непосредственный владелец удерживает вещь, а контрагент не может исполнить его встречное требование, на котором основано право удержания. Собственнику остается лишь в зависимости от обстоятельств (нежелания либо невозможности опосредованного владельца истребовать вещь от непосредственного владельца и передать ее собственнику) прекратить право контрагента требовать вещь и перевести его на себя. Но даже тогда, согласно теории субсидиарности виндикации, собственник сможет истребовать вещь только при исполнении встречных требований непосредственного владельца, но объем подобных требований может значительно превосходить стоимость вещи. Таким образом, законодателем фактически была усечена абсолютная защита собственности.

В рамках трехсторонних отношений ключевым вопросом, требующем разрешения, является возможность ограничения права собственника-опосредованного владельца на виндикацию. В основе аргументации подобного ограничения лежит обязательственная связь. Например, хранитель вещи без согласия собственника передает вещь в аренду третьему лицу. В такой ситуации собственник, без воли которого вещь была передана в аренду, сохраняет намерение владеть вещью и, соответственно, признается опосредованным владельцем. Возникает вопрос: может ли право такого собственника виндцировать вещь быть ограничено договором аренды между хранителем и арендатором?

Однако ответ очевиден, что собственник всегда может применять, будучи опосредованным владельцем, вещно-правовые способы защиты против третьих лиц, т.к. он не связан обязательством по отношению к непосредственному владельцу, и одновременно действует принцип абсолютной защиты вещного права. Таким образом, собственник не лишается права истребовать вещь у третьего лица, получившего ее от неуполномоченного контрагента, в том числе даже после утраты права требования контрагентом вещи у третьего лица.

Необходимо всегда иметь в виду, что право ответчика владеть вещью исключает виндикацию (временно либо на постоянной основе), а право на удержание делает исполнение виндикационного иска зависимым от исполнения встречных требований ответчика (например, требование о возмещении затрат на содержание вещи). Бремя доказывания названных прав лежит на ответчике.

Собственнику все же необходимо оставить право выбора между требованием об уступке опосредованного владения и непосредственным истребованием вещи на основании § 985 ГГУ «Требование собственника передать вещь». При этом приоритет следует отдать праву истребовать вещь на основании § 985 ГГУ, т.к. решение суда может быть исполнено как при нахождении вещи у непосредственного владельца, так и при возвращении вещи от непосредственного к опосредованному владельцу. В противном случае собственнику придется предъявлять требование уже к новому непосредственному владельцу. Здесь важно учитывать принцип процессуальной экономии. С материальной точки зрения выбор способа защиты истцом не играет роли, потому что вещные иски направлены на устранение вмешательства в права истца, в нашем случае это происходит посредством уступки опосредованного владения собственнику.

В целом, следует признать, что институт виндикации более детально регулирует взаиморасчеты собственника и владельца. В частности учитывается субъективная сторона владельца (добросовестность/недобросовестность), решается вопрос об улучшениях вещи и возмещении расходов на содержание вещи владельцем. Сказанное позволяет признать виндикацию специальной нормой и ее применение первоочередным.

В пользу данного тезиса говорит § 988 ГГУ «Выгоды владельца при безвозмездном приобретении вещи»: только при безвозмездном установлении владения над вещью делается прямая отсылка к нормам о неосновательном обогащении, ограничивая их применение только одним случаем. Дополнительным аргументом в пользу приоритета названных выше норм является их специальный характер, учитывающий субъективный элемент отношений (добросовестность/недобросовестность) и возможность предъявить требование как к непосредственному, так и к опосредованному владельцу. Таким образом, расширительное толкование термина «безвозмездно» и отказ от применения специальных норм, напрямую регулирующих отношения, неправомерны, нарушая принцип «*lex specialis*», и влекут нарушение интересов субъектов гражданских правоотношений.

Как уже было сказано, главной целью допущения законодателем конкуренции исков является баланс интересов сторон. Отсюда следует, что для разреше-

ния проблемы конкуренции виндикации и кондикции необходимо учитывать интересы собственника и владельца в отношении возмещения вреда, расходов на содержание вещи и истребования извлеченных доходов от пользования вещью.

Применение виндикации подвергается критике из-за предполагаемого привилегированного положения собственника, когда владелец несет большую ответственность перед собственником вещи за извлеченные доходы (§§ 987-993 ГГУ) в сравнении с кондикцией (§ 818 ГГУ). При этом не учитывается, что в рамках данного института интересы сторон сбалансированы: владелец в соответствии с §§ 994 – 1003 ГГУ занимает также более привилегированное положение по сравнению с кондикцией и возмещением вреда, имея расширенные права требовать с собственника расходов на содержание и улучшение вещи. Поэтому неуместно говорить о нарушении интересов какой-либо стороны при применении виндикации, вытекающей из норм о разграничении правомочий собственника и владельца. Также этот аргумент может быть использован в пользу применения норм о виндикации как «*lex specialis*».

В пользу приоритетного применения норм о разграничении правомочий собственника и владельца перед кондикцией говорят нормы §§ 987-993 ГГУ, являющиеся специальными по отношению к типичной для кондикции норме – § 347 ГГУ («Выгоды и расходы после отказа от договора»), а также § 986 ГГУ и § 991 ГГУ, которые прямо предусматривают прекращение договорных отношений как основание для применения виндикации и взыскания доходов от пользования вещью.

В тоже время между кондикцией и виндикацией в немецком праве много схожего. Основной целью кондикции и виндикации является защита права собственности путем истребования вещи из чужого владения, но виндикация не ограничивается простым истребованием, учитывая интересы владельца (путем возмещения расходов на содержание вещи, произведенных улучшений, а также – защиты интересов добросовестного владельца (§ 987, 990 ГГУ «Ответственность недобросовестного владельца», § 993 ГГУ «Ответственность добросовестного владельца»), § 996 ГГУ «Полезные затраты»), учета его вины (§ 989 ГГУ «Возмещение убытков, возникших с момента возбуждения судебного производства», § 990 ГГУ «Ответственность недобросовестного владельца») а также способ вступления во владение (§ 992 ГГУ «Ответственность владельца, совершившего деликт»). Кондикция является нормой, целью которой является общая защита права собственности. Она необходима для восполнения возможных пробелов, когда нормы о виндикации не смогут применяться, дабы не лишить сторону права на защиту.

На этом основании можно сделать вывод, что виндикация не просто дополняет кондикцию, но в полной

мере замещает ее. Из части 1 § 993 ГГУ «Ответственность добросовестного владельца» ясно следует приоритет виндикации перед кондикцией: «Если условия, предусмотренные §§ 987-992 ГГУ («положения о виндикации» – примечание автора) отсутствуют, то владелец согласно правилам о возврате неосновательного обогащения должен передать извлеченные плоды...».

В такой ситуации возможно компромиссное решение, когда к положениям § 988 ГГУ и последующих будут применяться субсидиарно положения о неосновательном обогащении (§ 812 ГГУ и последующие), а также – нормы о возмещении вреда (§ 823 ГГУ и последующие) при наличии соответствующих предпосылок. В пользу данной теории можно привести аргумент о неоправданном улучшении правового положения владельца за счет ограничения защиты собственника. Рациональнее всего проиллюстрировать ограничение прав собственника на примере. При признании сделки ничтожной добросовестный владелец в соответствии с § 993 ГГУ вправе сохранить доходы от пользования вещью, в то время как применение норм о неосновательном обогащении обяжет его выплатить все доходы от пользования вещью. В первом случае интересы собственника защищены максимальным образом, во втором же полностью игнорируется добросовестность владельца, тем самым приравнивая его к недобросовестным субъектам (в том числе мошенникам, вора и т.п.).

Исключением из этого правила приоритета виндикации является субсидиарное применение деликтной и кондикционной ответственности в следующих случаях:

1. Положения норм о разграничении правомочий собственника и владельца применяются как в отношении неправомерного владельца на правах собственника, так и – неправомерного фактического владельца вещь. Исключительное применение названных норм в отношении добросовестного неправомерного владельца может привести к невозможности привлечения его к ответственности за повреждение вещи (пункт 1 § 993 ГГУ «Ответственность добросовестного владельца», освобождающего добросовестного неправомерного владельца от выплаты извлеченных доходов

до момента утраты им добросовестности), в то время как правомерный владелец будет отвечать в соответствии с положениями договора и нормами о деликтах. Для устранения данной проблемы применяется специально разработанное учение об эксцессе фактического владельца¹⁰. Оно предусматривает ограничительное толкование пункта 1 § 993 ГГУ (из данного пункта исключается фраза, в соответствии с которой добросовестный владелец освобождается от возмещения убытков и выплаты доходов), т.е. в таком случае фактический владелец отвечает наравне с договорным владельцем и несет ответственность за виновное превышение своего права и в дополнении к нормам о виндикации применяют нормы о возмещении вреда (§ 823 ГГУ «Обязанность возместить вред»).

2. При передаче добросовестным неправомерным владельцем вещи третьему лицу (независимо от его уполномоченности на передачу вещи) вопрос истребования вещи должен решаться на основании норм о кондикции, а возмещение вреда и плодов от пользования вещью – уже на основании норм о разграничении правомочий собственника и владельца¹¹, т.е. происходит кумуляция кондикции и виндикации. Аналогичные правила применяются при кондикции частично потребленной вещи.

В целом, в доктрине и правоприменительной практике отсутствуют достаточные основания для исключения применения виндикации при столкновении последней с обязательно-правовыми средствами защиты, т.к. данные требования должны дополнять друг друга, а не вытеснять. Самостоятельное применение норм о разграничении правомочий собственника и владельца только упрочит и защитит интересы собственника и владельца (позволит защитить интересы собственника против третьих лиц при последующей передаче вещи), позволит решить вопросы ответственности, возмещения произведенных расходов и полученных выгод. Применение обязательно-правовых норм возможно в качестве дополнительных гарантий с учетом автономии воли сторон и императивных предписаний закона.

Библиографический список:

1. Постановление Конституционного Суда РФ 21.04.2003 N 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Маринычевой, А.В. Немировской, З.А. Склановой, Р.М. Склановой и В.М. Ширяевой» //Российская газета, № 5794 от 30.05.2012.
2. Концепция развития законодательства о вещном праве // Портал российского частного права. – М., 2009. С.12. // http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=24.

¹⁰ Medicus, D. Bürgerliches Recht. 8 Aufl. –Berlin: Carl Heymanns Verlag, 2008. S. 585.

¹¹ RGZ 163, 353. BGH NJW 1953, 58 //<https://www.beck-online.beck.de>

3. Проект Федерального закона об изменении Гражданского кодекса РФ ,№ 47538-6 (принят ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Консультант Плюс: Справочно-правовая система [Электронный ресурс].
4. Маковский А.Л. Германское гражданское уложение. – М.: Волтерс Клювер, 2004.
5. Новицкий И.Б. Римское частное право. – М.: Юрайт, 2013
6. Синицын С.А. Проблемы исковой защиты вещных прав на объекты недвижимости в гражданском праве России и правопорядках германского типа // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – 4. – С. 52 – 68.
7. Bürgerliches Gesetzbuch//<http://www.gesetze-im-internet.de/bgb>.
8. BGHZ 29, 162; 41, 157.//<https://www.beck-online.beck.de>
9. BGH NJW 1953, 58.//<https://www.beck-online.beck.de>
10. RGZ 105, 84. //<https://www.beck-online.beck.de>
11. RGZ 163, 348; //<https://www.beck-online.beck.de>
12. RGZ 163, 353. //<https://www.beck-online.beck.de>
13. Dimopoulos-Vosikis Die bereicherungs-und deliktischen Elemente der §§ 987-1003 BGB. – Bentheim.-1966. S. 101.
14. Emmerich, T. Das Verhältnis der Nebenfolgen der Vindikation zu anderen Ansprüchen. Diss. Saarbrücken. S. 126.
15. Medicus, D. Bürgerliches Recht. 8 Aufl. –Berlin: Carl Heymanns Verlag, 2008. S. 585.

References (transliteration):

1. Makovskij A.L. Germanskoe grazhdanskoe ulozhenie. – М.: Volters Klyuver, 2004.
2. Novitskij I.B. Rimskoe chastnoe pravo. – М.: YUrajt, 2013
3. Sinitsyn S.A. Problemy iskovoj zashhity veshhnykh prav na ob"ekty nedvizhimosti v grazhdanskom prave Rossii i pravoporyadkakh germanskogo tipa // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2012. – 4. – С. 52 – 68.